

предметомъ, и теряется въ подробностяхъ, неяркихъ и неясныхъ. Электрическій проводникъ, соединяющій, если можно такъ выразиться, галлюцинаціи поэта съ органами поэтического краснорѣчія, дѣйствуетъ у Бальзака не всегда исправно, иногда прерывается вовсе. Отсюда масса труда, которую онъ употреблялъ на внѣшнюю отдѣлку своихъ сочиненій». «Готье, по собственнымъ словамъ его, предпочиталъ женщинѣ—статую, теплой человѣческой кожѣ—мраморъ. Какой контрастъ съ Бальзакомъ! Представимъ себѣ того и другого въ святилищѣ луврскаго музея, гдѣ царитъ, въ уединенномъ величіи, милосская Венера. Для Готье звучалъ бы здѣсь гимнъ греческаго искусства въ честь красоты, заставляющій забывать о современномъ Парижѣ; Бальзакъ, на оборотъ, отвернулся бы отъ статуи, какъ только увидѣлъ бы передъ собой живую парижанку, въ модномъ костюмѣ, въ кокетливой шляпкѣ, въ изящныхъ перчаткахъ. Между Бальзакомъ и современной женщиной не стоитъ никакихъ традицій, никакихъ предразсудковъ. Онъ не поклоняется ей какъ богинѣ, не служитъ ей какъ чистой красотѣ, а беретъ ее такою, какъ она есть, съ ея капризами и нервами, со всѣми признаками болѣзненности и утомленія. Онъ проникаетъ въ ея будуаръ, въ ея альковъ, изучаетъ физическія причины ея душевныхъ настроеній... Для Ж. Занда женщина—прежде всего душа, моральное существо, для Бальзака—физиологическо-психологическій фактъ... Создать Корделію, въ шекспировской простотѣ и чистотѣ, Бальзакъ былъ не въ состояніи; но въ изображеніи Реганы и Гонериллы онъ ближе подошелъ къ истинѣ, чѣмъ великій британецъ»¹⁾. — «Бальзаку — таково заключеніе Брандеса, — недоставало того спокойствія, которое дается образованіемъ, но онъ владѣлъ тѣмъ, что для поэта еще важнѣе: любовью къ истинѣ, способностью проникать въ глубину жизни». Его политическій консерватизмъ, его не всегда художественный языкъ могли мѣшать его успѣху при жизни; долговѣчности лучшихъ страницъ «Человѣческой комедіи» они не помѣшаютъ.

Бейль относится къ Бальзаку, какъ «рефлектирующій умъ къ наблюдающему, какъ мыслитель—къ ясновидцу. Фигурамъ Бальзака мы смотримъ въ сердце, мы видимъ темно-пурпурную мельницу страстей, управляющую ихъ движеніями; фигурами Бейля руководить голова, свѣтлое вмѣстилище мысли. Къ В.

¹⁾ Брандесъ говоритъ здѣсь о дочеряхъ Горіо, madame Нюсингенъ и madame де-Ресто—и кто читалъ „Père Goriot“ тотъ вѣроятно согласится съ этимъ замѣчаніемъ.